

Из настоящего в будущее: образ будущего России Н.Я. Данилевского*

Книга Данилевского «Россия и Европа»: постановка проблемы

«Россия и Европа» – книга неожиданная во многих отношениях, начиная с того, что автор, биолог по образованию, обращается к анализу геополитических вопросов и предлагает альтернативную существовавшей методологию исторического анализа, заканчивая расширением ракурса рассмотрения России с масштаба Российской империи до всего славянского мира. С момента первого, журнального, выхода книги в 1869 году интерес к ней то затихает, то возобновляется. Вызывают споры не только высказанные автором идеи, но и определение того, чему, собственно, посвящена «Россия и Европа». Книгу часто рассматривают как историсофское сочинение, в котором был предложен новый подход к трактовке исторического процесса. Такой ракурс взгляда на произведение возник в полемике Николая Страхова, большого почитателя Данилевского, и критически к нему настроенного Владимира Соловьева. Их печатная дискуссия развернулась уже после смерти автора «России и Европы», в середине 1880-х годов. Как ни странно, оба мыслителя как бы «не замечали» подзаголовка книги, в который Данилевский вынес итог своих многолетних размышлений – взгляд на культурные и политические отношения славянского мира и германо-романского. Публикация глав книги в номерах журнала «Заря» придала сочинению определенный «публицистический налет», связанный с частым обращением автора к современным ему внешнеполитическим вопросам, тематической расплывчатостью, высказыванием суждений по широкому кругу проблем.

Современные исследователи нередко говорят о том, что для самого автора «Россия и Европа» была в первую очередь книгой о будущем Российской империи, вытекающем из ее прошлого [3, 4]. Другие справедливо полагают, что хотя самой теории культурно-исторических типов в книге посвящено только четыре главы из семнадцати, именно она возродила и поддерживает интерес к «России и Европе» спустя более чем сто пятьдесят лет после ее выхода [12, 13].

Не думаю, что можно однозначно указать, какие темы являются главными в «России и Европе», в связи с тем, что слишком многих вопросов касается ее автор. Для некоторого упорядочивания проблем, затрагиваемых Данилевским, мы попробуем опереться на тематические аннотации, сопровождающие каждую главу в журнальном варианте книги. Эти аннотации не включались в первую и вторую книжные версии «России и Европы» и вновь появились в современных переизданиях. Сгруппировав подтемы, мы получили

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00256А.

Желтикова Инга Владиславовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. E-mail: inga.zheltikova@gmail.com

двенадцать относительно больших смысловых блоков и составили своеобразный рейтинг тем, к обсуждению которых обращается Данилевский.

Максимальное количество – 41 обращение – приходится на тему славянского культурно-исторического типа, в том числе на характеристику будущего Всеславянского союза (17 подтем). Второе место в этом списке занимает анализ текущей политической ситуации – всего 38 блоков, включая тему отношения Европы к России (7 блоков). На третьем месте находится сама теория культурно-исторических типов, принципы их выделения, законы жизни, перечисление существующих и существовавших культурно-исторических типов – 20 подтем. Далее следуют описание и оценка прошлого России – 27 подтем – и оценка настоящего состояния России – 23 подтемы, включая 15, посвященных «болезни европейничанья». Характеристике европейского культурно-исторического типа посвящено 17 подтем, описанию и оценке прошлого Европы – 13, систематизации наук и методологии научных исследований – 11. Оценка настоящего состояния Европы в области культуры, экономики и политики разбирается в 10 подтемах, и столько же раз Данилевский обращается к описанию и оценке прошлого неевропейских народов. Типы государственного устройства рассматриваются в «России и Европе» в 9 подтемах, соотношение общечеловеческого и народного – в шести. Сквозной мыслью во всех этих темах является поиск ответа на вопрос «Почему Европа враждебна России?». Точнее даже не поиск, поскольку ответ у автора «России и Европы» уже есть, а обоснование идеи о том, что история Европы заканчивается, а России и славянства только начинается, что подспудно осознается европейцами, заставляя их из зависти враждовать с Россией. Именно этому обоснованию подчинена разработка новой объяснительной парадигмы – теории культурно-исторических типов.

Эта теория предлагает альтернативу сравнительно-оценочному подходу при изучении истории, в котором в качестве эталона берется европейская культура. Культурно-исторический тип Данилевского является разновидностью локальной цивилизации, изучение которой представляется автору более адекватным историческим реалиям, чем использование распространенной в исторической науке периодизации, основанной на этапах европейской истории. В качестве синонимов к введенному понятию «культурно-исторический тип» автор использует такие термины, как «цивилизация», «народ», «национальность», «этнос», видя за ними исторически сложившуюся общность людей, возникшую на основе этнического родства, которая характеризуется индивидуальностью и неповторимостью культурных начал, выражающих себя в укладе жизни, быте, религии, политике [5, с. 93, 230]. Именно рассмотрение истории России с позиции локальных культур позволяет, по мнению Данилевского, выстроить правильную картину перспективного развития Российской империи.

Футурологический аспект книги

Автору «России и Европы» удалось выделить и показать присутствие в исторической жизни страны ряда констант, которые определяют судьбу России, ее настоящий облик и зададут правильный вектор развития в будущем. Данилевский стремится дать полное жизнеописание России как исторической личности, осознавая при этом, что она не прожила еще всей «жизни» и «судьба» ее еще не свершилась.

В этой статье мы хотели бы рассмотреть футурологический аспект книги Данилевского, возникающий в процессе рассмотрения российской культуры как бы изнутри и осмысления ее автором. В этом плане «Россия и Европа» продолжает тему, поднятую П.Я. Чаадаевым и развиваемую славянофилами, тему саморефлексии культуры, происходящей через осмысление оппозиции свой – чужой. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков стреми-

лись оценить преимущества в историческом развитии традиционного общества перед обществом модерна, своими размышлениями обосновывали необходимость сохранения русских обычаев, традиционного уклада и отказа от подражания европейской моде. Но если у них это осмысление было вызвано экспортом в Россию европейского дискурса о социально-политической и духовно-нравственной модернизации жизни и обсуждением вопроса целесообразности присоединения России к этому процессу, то четверть века спустя Данилевский обращается к решению этого же вопроса, исходя из совершенно иной ситуации.

Россия, современная Данилевскому, – это общество, не понаслышке знающее, что такое отказ от традиционных устоев, страна, однозначно включившаяся в процесс модернизации. Одной из самых заметных вех этого процесса явились реформы середины XIX века. Менее десятилетия с начала разработки законодательства (1857) до реализации поэтапного процесса отмены личной зависимости крестьян (1863) потребовалось стране для отказа от крепостного права. Современники Данилевского по-разному переживали модернизацию центральной области традиционного жизнеустройства, но нельзя не признать, что в том числе и эти меры меняли общественное сознание, поколебав в нем патерналистские установки, поставив под сомнение идеал «органического единства» высших и низших сословий. На место восприятия общества как большой семьи постепенно приходит осознание рационально-договорного характера общественных отношений, осознание ценности гражданских свобод. Последствием земской (1864) и городской (1870) реформ среди прочего была некоторая демократизация внутривластной жизни, связанная с идеей о «нормальности» выборного начала в формировании власти, а следовательно, и ответственности власти перед обществом.

Важным показателем модернизации выступает ускорение течения социального времени, сокращение сроков социальных процессов, быстрая их сменяемость. И одним из факторов, влияющих на это, несомненно, является прогресс в сфере транспорта. Данилевский был свидетелем того, как в середине сороковых годов XIX века в России было введено регулярное речное и железнодорожное сообщение. Для страны, пространственно столь протяженной, появление быстроходных, а главное, осуществляющих круглосуточное движение видов транспорта означало существенное увеличение скорости распространения информации, степень взаимосвязи регионов империи, расширение территориальных горизонтов, раскрывшихся перед конкретным человеком. С изменением возможностей передвижения возрастала включенность человека в жизнь страны. Именно в 1820–1860-х годах бескрайняя в буквальном смысле слова Россия обретает четко определенные границы. Территория страны становилась зримой и не столько из-за демаркационных последствий дипломатических соглашений, сколько из-за большей включенности в этот процесс людей, не имеющих прямого отношения к власти. Ускорение темпа жизни в России хорошо заметно по военной реформе, одним из элементов которой было сокращение службы низших военных чинов с 25 до 10 лет.

На протяжении жизни Данилевского взрывообразное развитие переживают отечественные печатные издания: газеты и журналы. На место слухов и очень ограниченного числа изданий приходит широкая дискуссионная печать. В статье «Общее значение слова литература» Виссарион Белинский пишет о мощном импульсе свободомыслия, самостоятельности суждений, глотке свежего воздуха, принесенного в российское общество прессой 40–50-х годов XIX века: «Вся сфера современного общественного движения теперь выражается словом пресса: это живой пульс общества, по биению которого вернее, нежели по какому-нибудь другому признаку, можно судить о состоянии общества в отношениях: политическом, административном, ученом, литературном, эстетическом, нравственном, в отношении к народному духу, богатству, промышленности, ремеслам и пр., пр. Нет стороны в обществе, которая бы теперь не выражалась прессою, не жила в ней и ею» [1, с. 162].

Одним из ключевых изменений, происходящих в обществе модерна, является ориентация общества не на прошлое, а на будущее. Автор «России и Европы» усваивает и успешно применяет эту установку. По сравнению со старшими славянофилами у Данилевского заметно изменен акцент размышлений о России: сохранение традиций, роль петровских преобразований и отказ от преемственности практически не интересуют его в отличие от вопроса о том месте, которое может занять Россия в будущей расстановке европейских сил, сферах общественной жизни, обнаруживающих положительные тенденции развития. Особое внимание автор «России и Европы» уделяет тем современным ему областям, которые смогут обеспечить России лидирующие позиции в перспективе. На протяжении книги Данилевский как бы оценивает настоящее и прошлое России как плацдарм для будущего.

На наш взгляд, книга Данилевского весьма показательна в плане репрезентации видения будущего из конкретной социокультурной ситуации. На ее примере можно зримо проследить, как социальная реальность налагает отпечаток на видение будущего. Целью этой статьи является рассмотрение картин будущего России, запечатленных в «России и Европе», и на их примере – процесса формирования образа будущего.

Образ будущего в «России и Европе»

Образ будущего – это представление о том, какой будет жизнь в стране и мире через десять, тридцать, сто или тысячу лет. Образ будущего – это целостная картина, в которой оказываются запечатленными различные стороны жизни, взаимосвязь всех сфер функционирования общественной жизни. Представления о будущем – это именно образ, убедительная картина перспективы, в которой могут акцентироваться отдельные детали, но репрезентироваться социальная реальность как смысловое единство. В отличие от прогноза, образ будущего базируется не только на рациональных построениях и оценках вероятности тех ли иных событий, но и на интуитивных представлениях, «предчувствиях будущего», эмоциональных переживаниях по его поводу. Образ будущего не является прерогативой специалистов и экспертов в какой-либо области, он присутствует в сознании всех людей, задумывающихся о личных перспективах или отдаленном будущем человечества.

В «России и Европе» Данилевского мы находим именно образ будущего, который создается автором, обобщающим собственный социальный опыт. Будущее России видится мыслителю в двух вариантах: оптимистическом и пессимистическом. В оптимистическом варианте Россия успешно реализует имеющийся потенциал и становится структурообразующим элементом Всеславянского союза, в пессимистическом – лишается своей культурной самобытности, а возможно, и политического суверенитета. Понятно, что образу будущего, отражающему надежды на лучшее, Данилевский уделяет больше внимания.

Внешнеполитический аспект занимает первое место в представлении Данилевским завтрашнего дня России. Здесь автор «России и Европы» постулирует появление нового Славянского культурно-исторического типа. Гигантский по занимаемой территории, превышающий по площади Римскую империю, он оформится в политическое тело Всеславянского союза, который навсегда изменит баланс сил в Европе. Современная Российская империя станет тем стержнем, вокруг которого будет формироваться это политическое образование, выступит структурообразующим фактором, залогом единства и суверенитета народов, входящих во Всеславянский союз. Данилевский особо останавливается на том, что Россия не должна будет доминировать над другими славянскими народами, как и на том, что степень централизации союза не должна будет быть чересчур высокой. Славянский союз мыслится Данилевским в качестве конфедерации, члены которой могут иметь различные формы прав-



ления и способы государственно-территориального устройства [5, с. 381]. В состав Всеславянского союза, по мысли Данилевского, войдут такие славянские народы, как поляки, чехи, венгры, сербы, черногорцы, боснийцы, хорваты, болгары, молдаване, северные албанцы, жители Герцеговины, Моравии, Валахии, Буковины; а также неславянские народы: финны, грузины, армяне, алеуты и другие народы, фактически проживающие в Российской империи и прошедшие с ней «историческое воспитание». Столицей нового политического образования станет Константинополь-Царьград, отвоеванный у турок совместными усилиями славян. Этот город, по мнению Данилевского, на протяжении всей истории России является символом торжества славянской идеи, знаковой точкой в достижении геополитического баланса сил и стратегически значимым форпостом. Интересно, что Данилевский особо не останавливается на предполагаемой форме правления Всеславянского союза, во всяком случае, он не настаивает на обязательном сохранении абсолютной монархии.

Важной для Данилевского установкой при размышлении о будущем является надежда на то, что Славянский союз станет первым культурно-историческим типом, практикующим все возможные для локальной цивилизации виды деятельности: религиозную, выражающую отношение человека к Богу; культурную, включающую науку, искусство, техническое творчество; политическую и общественно-экономическую [5, с. 471–472].

Религиозная жизнь – это именно та социальная сфера, которая в будущей России должна оставаться максимально традиционной. Данилевский не видит необходимости внесения каких-либо существенных изменений ни в обрядовый, ни в догматический строй российского православия. Впрочем, в отдельных частях книги он признаёт необходимость сохранения традиционных форм религии и у неправославных народов.

Достаточно бегло описывает Данилевский будущее в сфере культуры. Главным в этой области будет возвращение к народным традициям, отражающим уникальное мировидение славянского культурно-исторического типа. Расширение сферы использования народного костюма и его цветовой гаммы, включение этнических мотивов в музыку, прикладное искусство и академическую живопись, возвращение к исконно народным пропорциям и формам в зодчестве и монументальной скульптуре, второе знакомство с национальной кухней и формами досуга – вот основные векторы в развитии славянской культуры. В то же время, как бы ни настаивал Данилевский на уникальности народного духа, в сфере науки его проявление ожидается меньше всего. Размышляя о развитии в будущем славянском культурно-историческом типе наук и технологий, мыслитель не постулирует особую «славянскую» науку, считая, что отечественные ученые будут работать в русле уже сложившихся научных парадигм.

В сфере внутренней политики Данилевский ожидает поэтапное утверждение и расширение либеральных свобод. Этот процесс мыслится как довольно плавный и потому бесконфликтный. Увеличение свободы печати, самоуправления в отдельных сферах жизни регионов, развитие общих стандартов школьного образования должны будут способствовать формированию ответственного гражданского самосознания и непротиворечивого единства гражданского общества и правительства. При этом вопрос о необходимости принятия конституции для регулирования внутривнутриполитического устройства Данилевским даже не ставится. Размышляя на эту тему, он придерживается охранительных традиций и считает, что все необходимые преобразования будут успешно реализовываться при инициативе «сверху». Фундаментом будущей политической стабильности Данилевский видит такие психологические свойства гражданина, как «умение и привычку повиноваться, уважение и доверенность к власти, отсутствие властолюбия и отвращение вмешиваться в то, в чем считает себя некомпетентным» [5, с. 487].

Будущее российской экономики Данилевский связывает с аграрной сферой. Освоение обширных земельных угодий, богатство и разнообразие климатических

условий станет, по мысли автора, основной задачей завтрашнего дня. Экономическое развитие должно будет идти по экстенсивному направлению, поскольку ресурсы страны по большому счету еще не освоены. Сельское хозяйство, рыболовецкий промысел, животноводство и виноградарство – вот сферы, гарантирующие экономическое процветание страны. Основным перспективным ресурсом России Данилевский считает крестьянство, умеющее и желающее работать на земле, а не городское население или промышленных рабочих.

Важным условием реализации этого будущего Данилевский считал правильное понимание интересов России на международной арене. Его книга должна была способствовать осознанию самодостаточности России и чуждости для нее Европы. Если старшие славянофилы, размышляя о будущем России, видели настоящее Европы в качестве желаемой или не желаемой перспективы, то Данилевский оценивает настоящее Европы как пройденный этап исторического развития, на него нельзя ориентироваться хотя бы потому, что это прошлое. Поэтому будущее России – это будущее в мире, где Европа переживает свой Закат, а Россия, возглавляющая славянские народы, строит не европейское, а собственное будущее [5, с. 503].

Второй, пессимистический вариант будущего России, связывался Данилевским с тем, что страна не сможет раскрыть свои потенциальные возможности, не соберет вокруг себя и не сплотит славянские народы, ей не удастся изменить баланс сил в Европе и на Ближнем Востоке. По сути, автор «России и Европы» уверен, что Россия может быть либо великой, либо ее вовсе не будет. В качестве альтернативы Всеславянского союза Данилевский предполагал возврат России в «этнографический материал для новых неведомых исторических комбинаций», потерю культурной и, возможно, политической самостоятельности. «Если Россия не поймет своего назначения, – читаем мы в «России и Европе», – ее неминуемо постигнет участь всего устарелого, лишнего, ненужного. Постепенно, умаляясь в своей исторической роли, ей придется склонить голову перед требованиями Европы, которая не только не допустит ее до влияния на Восток, не только устроит оплоты против связи ее с западными славянскими родичами», но «до того выветрит самую душу Славянства, что оно распухнет, растворится в европействе» [5, с. 401].

Настоящее как основа формирования образов будущего

Далее мы попробуем показать, что основанием как оптимистического, так и пессимистического видения будущего является для Данилевского наблюдаемая и переживаемая им социальная реальность. Николай Яковлевич родился в 1822 году в селе Оберец Орловской губернии, но жизнь и деятельность его не были связаны с каким-то определенным местом. Москва и Петербург, Тула и Вологда, Самара и Крым в разные годы были местом пребывания ученого. На жизнь его поколения пришлись изменения, которые кардинально трансформировали структуру повседневности человека XIX века, о чем мы уже говорили в начале статьи. Но применительно к созданию образа будущего, на наш взгляд, важным оказывается не только объективное, но и субъективное настоящее автора.

Николаю Яковлевичу было 45 лет, когда, поселившись с семьей на Южном берегу Крыма, недалеко от станции Байдары и отдыхая от летних экспедиций, он приступил к написанию своего главного труда «Россия и Европа». За его плечами остались десять экспедиций, организованных департаментом сельского хозяйства, обширные полевые исследования, итогом которых стали книги «О движении народонаселения в России» (1851) и «Климат Вологодской губернии» (1853), многочисленные статьи по географии, рыболовству и виноградарству, серия работ по хозяйству северных поморов, экономике юго-западных и южных областей России.

Обращение профессионального биолога к геополитическому будущему России не было случайным. Еще в студенческие годы Данилевский увлекался экономической стороной учения Шарля Фурье и его футурологическими проектами. В зрелые годы он входил в состав Совета Министерства государственных имуществ, где принимал активное участие в выработке законов, которые регулировали состояние рыбных богатств в стране [11]. В книге, посвященной исследованию миграционных процессов внутри Российской империи, ученый неоднократно обращался к внешнеполитическому аспекту этого процесса.

Как мы помним, значительная часть «России и Европы», вторая по объему после размышления о славянском культурно-историческом типе, посвящена анализу текущей внешнеполитической ситуации. Столкновение интересов на Балканах, Восточный вопрос, роль России в решении внутриевропейских разногласий – все эти животрепещущие темы интересовали Данилевского в свете должной расстановки сил в Европе для максимальной выгоды России. Данилевский, как и Погодин, считал, что Россия обязана защитить славянские народы по крайней мере по двум причинам. Во-первых, как сильная славянская страна, которая может и должна помочь освободиться этнически близким народам, большинство из которых единоверцы. Во-вторых, протекторат над братьями-славянами даст России недостающие силы для окончательного перевеса на международной арене [2].

В картине внешнеполитического будущего, обрисованной автором «России и Европы», наше внимание привлек ряд моментов, позволяющих проследить влияние социального и личного настоящего Данилевского на создаваемый им образ будущего.

Первым таким моментом является идея о конфедеративном характере будущего Всеславянского союза. Близкие по направленности размышления о будущем России того же Михаила Погодина [9], Константина Леонтьева [8] или Федора Достоевского [5] неизменно предполагали жесткую имперскую систему в отношении метрополии и колоний. Данилевский же был убежден в том, что Россия не должна будет доминировать во Всеславянском союзе. Обеспечив суверенитет славянских государств, подкрепив его своей мощью, она не будет подавлять самостоятельность этих народов, навязывать им свою волю. Мы думаем, что именно хорошее знакомство Данилевского с жизнью различных областей России формировало его убеждение в том, что наиболее эффективным является управление в рамках губерний, местное самоуправление, которое позволяет учесть особенности хозяйственной деятельности региона, специфику климата, его сезонные и годовые перепады.

Данилевский большую часть жизни провел в разъездах, по делам службы он исколесил почти всю Центральную Россию и большую часть ее окраин. Он изучал флору Орловской и Рязанской губерний, исследовал состояние рыболовства на Волге и Каспийском море, знакомился с традиционными промыслами на Белом море и Ледовитом океане, приложил немало сил к борьбе с филлоксерой в предгорьях Кавказа [11]. Представляя себе обширность территории Российской империи, ученый осознавал и огромные трудности, возникающие при управлении ею из единого центра. Поэтому и будущий Всеславянский союз не видел устроенным по имперскому принципу. Удаленность окраинных областей делает их при жесткой центральной власти не только географической, но и политической периферией, ставит в невыгодные по сравнению с центром условия. Возможно, что в симпатии к конфедеративному устройству проявилось и непринятие автором отечественной бюрократии, с которой он познакомился, еще будучи прикомандированным к канцелярии самарского губернатора. Данилевский был уверен, что увеличение степени самостоятельности частей, образующих Союз, положительно сказалось бы на уменьшении количества управленческого аппарата.

Второй особенностью видения перспективы Данилевским, которую мы хотели бы отметить, является мысль о том, что Всеславянский союз объединит не только славян, входя-

щих на момент создания книги в те или иные политические образования, но и неславянские народы Российской империи. В свое время это положение привлекло внимание Владимира Соловьева, который в сборнике «Национальный вопрос в России» [10, с. 104–207] указывал на противоречие в размышлениях Данилевского, заключающееся в том, что болгары, словаки, черногорцы и прочие балканские народы должны будут войти в славянский культурно-исторический тип на основании «этнического родства», «сродства языков», «сходства психического строя», то есть тех критериев, которые автор «России и Европы» положил в основу выделения культурно-исторического типа, а финны, грузины, чеченцы и огромная часть мусульманских народов Российской империи, не имеющая со славянами указанных общих черт, войдут просто «за компанию». Особенно Соловьев подчеркивал противоречия в религиозном составе будущего славянского культурно-исторического типа. Если именно «охранительный характер» православия гарантирует чистоту и неприкосновенность Божественного Откровения и успех религиозного вида деятельности Славянства в будущем, то как можно включать в этот культурно-исторический тип католические (Польша), протестантские (Финляндия, Эстляндия и Лифляндия), мусульманские народы (татары, башкиры, горцы Северного Кавказа и казахи) и даже язычников (унангуны, бельтиры, бирары, гиляки, гольды, иезиды, нейдальцы, ороки, самоеды, самагарцы, тушины). От себя добавим, что, как мы помним, Данилевский, считавший, что глубокая религиозность русского народа, пронизывающая все слои общества, является чуть ли не основой славянского мировосприятия, действительно признавал возможность присутствия людей с неправославным вероисповеданием в будущем Союзе.

Мы полагаем, что в вопросе подбора этнического состава Всеславянского союза определенную роль сыграло близкое знакомство ученого с традиционными укладами жизни в Российской империи. Имея возможность сравнивать нравы, обычаи в различных областях, у различных этносов, в различных социальных слоях, Данилевский интуитивно понимал, что «общность исторического воспитания» в каком-то случае оказывается важнее этнического родства. То, что неславянские народы в течение длительного времени жили бок о бок с великороссами и малороссами, встроило их жизнь в жизнь численно превосходящего их славянства. Произошел процесс взаимной аккультурации, заимствования и приспособления культурных элементов друг к другу. Это обогатило контактирующие культуры, помогло, с одной стороны, лучше осознать свою уникальность, с другой – проявлять терпимость к инокультурным элементам. Неслучайно Данилевский одним из «законов исторической жизни» называет закон богатства этнографического материала, который дает уверенность в том, что культурно-исторический тип, включающий разнообразные этносы, способен к большей творческой активности, нежели этнически однородный. Формулируя эти законы, Данилевский пытается выразить свое интуитивное понимание исторической реальности, а теоретические выкладки, противоречивость которых замечал Вл. Соловьев, для него вторичны и служат способом пояснения социальных процессов.

Эти же соображения можно отнести и к «вкраплениям» неправославных вероисповеданий в православное тело славянства, они, по мысли Данилевского, не принесут негативных последствий, а скорее обогатят религиозную жизнь неправославных народов. Религиозный строй – это один из важнейших показателей жизни способного к историческому творчеству народа, и если допускать неславянские элементы в новый культурно-исторический тип, то необходимо включать их вероисповедания в религиозную систему культуры. Лично у Данилевского нехристианские конфессии не вызывали резкого неприятия. Например, описывая коренные народы Севера, он касался и их системы верований, которые рассматривал скорее как этнограф, а не как ортодоксальный представитель православия. Его привлекала многоукладность жизни народов России, в том числе и религиозные практики.

Следующая особенность видения Данилевским России будущего заключается в акцентировании внимания на народной культуре. Внимание к прошлому своей страны, народным традициям и обычаям – это общая установка романтизма. Она является непременным элементом европейского национального самосознания, включающим интерес к своим предкам, их обычаям, обрядам, ритуалам, стремление возродить или по крайней мере зафиксировать элементы прошлого, сохранившиеся в народной жизни. Добавим к этому этнографический аспект, который так важен в исследованиях Данилевского, и станет ясно, почему он переносит в будущее этот ретроспективный мотив. Здесь нам видится интересная параллель мировидения Николая Яковлевича Данилевского с картиной мира его современника Рихарда Вагнера. В творчестве немецкого композитора в полной мере проявилась интуиция народного духа, идущая от архаических мифов цикла «Кольцо Нибелунга» к христианским образам «Парсифаля». Так же и Данилевский признаёт ценность народной культуры во всем многообразии ее проявлений, от народных промыслов и губернских говоров до языческих сказаний, христианской народной мифологии и песенного фольклора. Кроме прочего, Данилевскому просто нравится народная культура, провинциальная жизнь с ее устойчивостью и неспешностью, близкими межличностными отношениями и зримыми границами социального пространства. Как вспоминают современники, сам Николай Яковлевич не любил столиц, предпочитая им провинциальную жизнь, считая ее более естественной и здоровой для человека [11].

Еще одной интересной особенностью видения будущего Данилевским является признание важности для России и Всеславянского союза либеральных идей. Здесь, как нам кажется, сказывается, с одной стороны, обобщение впечатлений, умонастроений близких и знакомых Данилевского, связанных с отменой крепостного права, с другой – опыт личного участия в составлении либерального законодательства. Данилевский наблюдает в российском обществе «политический инстинкт» и отсутствие стремления к власти, полагая, что они выступят факторами, которые будут способствовать тому, что «русский народ и русское общество во всех слоях своих способно принять и выдержать всякую дозу свободы» [5, с. 487]. В качестве примеров готовности русского общества воспринять либеральные свободы автор ссылается на процесс отмены цензуры, который не вызвал, как того можно было ожидать, непродуманных публикаций, и освобождение крестьян, которое не сопровождалось беспорядками.

Характер деятельности Данилевского наложил отпечаток на постулирование аграрного будущего России. Служа в департаменте сельского хозяйства, автор «России и Европы» преуспел в изучении рыболовства и других традиционных промыслов, за что был награжден золотой медалью Русского географического общества [11]. Он полагал, что главным в общественно-экономическом строе России является твердая почва в виде крестьянского надела и общинного землевладения. Именно то, что земля не выступает товаром, нет обезземеленной массы населения и, «следовательно, общественное здание зиждется не на нужде большинства граждан», а, напротив, на стабильной обеспеченности их положения [5, с. 491], необходимо сохранить в будущем.

Негативный вариант образа будущего, связываемый Данилевским с «болезнью европейничанья», в первую очередь проистекает из наблюдений ученого за нигилистическими настроениями современной ему молодежи. Это вредное течение, пришедшее из Европы, он считал порождением западной мысли периода упадка, поскольку русскому характеру оно не было свойственно. Нигилизм поэтому и опасен, что русский организм не знает, как с ним бороться. Данилевский наблюдает европейское влияние во всех сферах российской культуры: в подражании внешним формам европейского быта, нравам и обычаям, ценностным установкам, ориентированным на соперничество, в утверждении эгоистического начала, в погоне за внешним успехом. Борьба с «европейничанием» во всех

его проявлениях является одной из важнейших задач современного периода, убежден Данилевский, ибо эта болезнь опасна еще и тем, что подрывает веру просвещенных людей России в ее самобытное предназначение и отбивает желание развивать уникальные корни славянской культуры.

Как формируется образ будущего

На примере Данилевского мы попробовали представить, как формируется индивидуальный образ будущего. Рационально-логические построения в этом процессе играют далеко не первую роль. Даже тогда, когда результаты интуитивных догадок приобретают форму рефлексивных оценок, они остаются скорее предвидением, чем прогнозом, картиной, а не расчетом.

Наше рассмотрение показывает, что образ будущего – это представления, сформированные настоящим, но настоящим и объективным, в первую очередь обусловленным временным периодом и ходом развития страны, и субъективным, связанным с образом жизни человека. Объективное настоящее или окружающая человека повседневность воспринимаются в качестве прототипа действительности, исходных данных, которые могут оцениваться как правильные или неправильные, более или менее справедливые, собственно такие, какие задают саму метрику восприятия социального мира. Жизнь Данилевского пришлась на период активной модернизации российского общества, и быстрые изменения в сфере экономики, внутренней политики, социальных процессов воспринимались автором «России и Европы» в качестве естественного хода событий. Он продолжает вектор трансформаций в будущее и полагает в нем еще большие изменения, теперь уже во внешнеполитической сфере.

Субъективное настоящее – это та часть социальной реальности, которая активно осваивается человеком в процессе его жизни, оно зависит от места человека в социуме, его рода деятельности, возраста. Сфера субъективного настоящего шире у человека образованного, социально активного, занимающегося общественной деятельностью. Для XIX века она, безусловно, шире у мужчины, чем у женщины, у жителя столицы, чем у провинциала. Как мы показали, Данилевский имел весьма высокую степень вовлеченности в процессы, происходящие в стране, много путешествовал, изучал особенности экономической жизни различных регионов и сословий. Он видел позитивные стороны многоукладности и поликультурности народов, населяющих Российскую империю. Специализируясь на полевых исследованиях, мог оценить и красоту народной жизни, и важность для аутентичного развития этноса его народной религии. Задумываясь о будущем России, Данилевский переносил в него все лучшее, что находил в настоящем, чему сам был свидетелем.

Образ будущего – это оценка актуальных тенденций, ощущаемых и наблюдаемых человеком в его настоящем, оценка с позиции их жизнеспособности в будущем и их возможных последствий. Как правило, в рамках одного мировоззрения доминирует один образ будущего, тот, что отражает взгляд носителя на возможные перспективы. Плюрализм образов будущего имеет место тогда, когда в обществе есть сильный альтернативный образ, который автор не может игнорировать, или же, как в случае с Данилевским, в настоящем фиксируется наличие двух противоборствующих тенденций, в нашем случае – аутентичного развития национальных начал и подражательство Европе. Такая двойственность видения перспективы свидетельствует о том, что Данилевский стремился оставаться в своих размышлениях в рамках научного дискурса и фиксировать альтернативные сценарии будущего.

С позиции нашего времени, когда будущее, предполагаемое Данилевским, уже не состоялось, нет смысла говорить, насколько возможен был Славянский союз в реальности, как не имеет смысла размышлять и о том, что было бы, если бы такой союз организовался. Однако для Данилевского это воображаемое будущее было частью реального настоящего



го, частью, не произвольно придуманной, а предчувствуемой на основании прошедших и текущих событий. Поэтому книга Данилевского показательна в плане фиксации самоощущения представителя российского социума пореформенного периода.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 9. М., 1957. С. 162.
2. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1895. С. 559–610.
3. *Гулярян А.Б.* Приближение к русской идее // Историческое обозрение. 2006. № 7. С. 81–104.
4. *Гуторов В.А.* Наследие Н.Я. Данилевского в свете современных Fascists studies // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. № 4. С. 307–312.
5. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / сост., послесл. и коммент. С.А. Вайгачева. М., 1991.
6. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб, 1895.
7. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1873 год // Гражданин: Газета-журнал политический и литературный. СПб., 1873.
8. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев // Избранное. М., 1993.
9. *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны (1853–1856): документально-художественная литература. М., 1874.
10. *Соловьев В.С.* Национальный вопрос в России. Вып. первый / В.С. Соловьев // Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 104–207.
11. *Страхов Н.Н.* Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1895. С. IX–XXXI.
12. *Хренов Н.А.* Предшественники П.А. Сорокина: Н.Я. Данилевский и его теория культурно-исторических типов // Наследие. 2017. № 1 (10). С. 6–25.
13. *Шиповский М.В.* Евразийство: трансформация концептуальных подходов // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 2 (7). С. 59–63.

Аннотация. Статья посвящена анализу прогностической составляющей книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». В ней анализируются размышления автора о прошлом, настоящем и будущем России, на основании чего вычленяются два образа будущего России: позитивный, связанный с формированием славянского культурно-исторического типа, и негативный, описывающий трагические последствия подражательства европейской культуре. В статье обращается внимание на особенности конкретных картин будущего России, их зависимость от социальных процессов, свидетелем и участником которых был Данилевский. Сопоставление биографических сведений, значимых событий в истории страны, пришедшихся на жизнь Данилевского и представителей его поколения, позволяет сделать выводы о факторах, влияющих на формирование индивидуального образа будущего.

Ключевые слова: Данилевский, культурно-исторический тип, образ будущего, будущее России, факторы формирования образа будущего.

Inga V. Zheltikova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Orel State University named after I.S. Turgenev. E-mail: inga.zheltikova@gmail.com

From the Present to the Future: N.Ya. Danilevsky's Image of the Future of Russia*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the prognostic component of N.Ya. Danilevsky's book «Russia and Europe». The article analyzes Danilevsky's reflections on the past, present and future of Russia. Two images of Russia's future are identified – positive and negative. The positive image of the future is associated with the formation of the Slavic cultural and historical type. The negative image describes the tragic consequences of imitating European culture. The author of the article examines the features of the specific pictures of Russia's future and their dependence on social processes, which Danilevsky witnessed and participated in. Comparison of biographical information and significant events in the history of the country that occurred in the time of Danilevsky and his generation, allows us to draw conclusions about the factors that affect the formation of the future individual image.

Keywords: Danilevsky, Cultural and Historical Type, Image of the Future, the Future of Russia, Factors of the Image of the Future Forming.

* The research made with the financial support of RFBR, scientific project #18-011-00256A.